

Критика экономического учения Маркса ¹⁾.

Изъ изслѣдованія „Соціализмъ (нравственность и хозяйство)“.

Критика фактическая. Экономическое учение Маркса можно разсматривать съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны фактической, во-вторыхъ, со стороны принципиальной. Въ первомъ отношеніи ставится вопросъ о томъ, соответствуютъ-ли экономическія теоріи Маркса фактамъ экономической жизни; во-второмъ отношеніи спрашивается, доказана ли экономическимъ учениемъ Маркса непзбъжность наступленія социалистическаго строя. Для нашей специальной, философской, задачи важно лишь принципиальное разсмотрѣніе экономического учения Маркса, но въ интересахъ общаго сужденія о социалистической доктринѣ мы прежде остановимся на фактической критикѣ его экономическихъ теорій.

По критикѣ экономическихъ теорій Маркса существуетъ обширнѣйшая литература. Далѣе я изложу результаты критической литературы, сдѣлаю *извлеченія* изъ лучшихъ критическихъ трудовъ ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. сент.

²⁾ Лучшія сочиненія по критикѣ экономическихъ теорій Маркса: Бэмъ-Баверкъ *Zum Abschluss des Marx'schen Systems*=*Теорія Маркса и ея критика.*

Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorie=*Капиталъ и прибыль. Исторія и критика теорій процента на капиталъ.*

Э. Бернштейнъ *Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgabe der Sozialdemokratie*=*Соціальныя проблемы*=*Историческій материализмъ.*

Zur Geschichte und Theorie des Socialismus=*Очерки изъ исторіи и теоріи социализма.*

Die heutige Socialdemokratie in Theorie und Praxis=*Теорія и практика современной социалдемократіи.*

Критика трудовой теории ценности. Маркс держался трудовой теории ценности и, именно, абсолютной трудовой теории ценности. Въ построении этой теории онъ имѣлъ не мало предшественниковъ, но превзошелъ всѣхъ ихъ талантливымъ развитіемъ и изложеніемъ теории. Такое значеніе сохраняется за его экономическимъ ученіемъ до настоящаго

-
- Bortkiewicz *Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System* (Brauns Archiv).
- Булгаковъ *Капитализмъ и земледѣліе.* (Также статьи въ разныхъ журналахъ и сборникахъ: *О некоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи, Что такое трудовая ценность, Третій томъ Капитала К. Маркса.*)
- Вейзенгрюнъ *Das Ende des Marxismus.*
- Венкштернъ *Marx.*
- Гатти *Соціализмъ и сельское хозяйство.*
- Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus.*
- Давидъ *Socialismus und Landwirtschaft=Соціализмъ и сельское хозяйство.*
- Циль *Ueber das Verhältniss von Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx.*
- Зомбартъ *Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx* (Brauns Archiv)=*Къ критикѣ экономической системы Карла Маркса (Научное Обзорніе).*
- Sozialismus und soziale Bewegung=Соціализмъ и социальное движеніе.*
- Кроче *Materialismo storico ed economia marxista=Экономическій материализмъ и марксистская экономія.*
- Коморжинскій *Der 3 Band von K. Marx „Das Kapital“.*
- Масарикъ *Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus=Философскія и социологическія основанія марксизма.*
- Прокоповичъ *Къ критикѣ Маркса.*
- Рикесъ *Wert und Tauschwert. Zur Kritik der Marxschen Wertlehre.*
- Струве *Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung* (Brauns Archiv) и другія статьи въ разныхъ журналахъ, особ. въ ж. *Жизнь* (*Къ критикѣ некоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи, Основная антиномія теории трудовой ценности.*)
- Словинскій *Экономическая теорія К. Маркса.*
- Туганъ-Барановскій *Теоретическія основы марксизма.*
- Современный социализмъ въ своемъ историческомъ развитіи.*
- Очерки изъ новейшей исторіи политической экономіи и социализма.*
- Трофимовъ *Противъ Капитала Маркса.*
- Франкъ *Теорія ценности Маркса и ея значеніе.*
- Харазовъ *Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik.*
- Шоръ *Основные проблемы теории политической экономіи.*
- Altera pars сказала свое слово въ отвѣтъ Каутскаго Бернштейну, въ книгѣ Плеханова *Критика нашихъ критиковъ.* Оленова *Такъ называемый „кризисъ марксизма“* и др.

времени: доселѣ оно остается наиболѣе совершеннымъ изложеніемъ трудовой теоріи цѣнности. Хотя со времени выхода перваго тома *Капитала* протекло почти пятьдесятъ лѣтъ, но по трудовой теоріи цѣнности за все это время не написано ничего значительнаго, что могло бы равняться съ трудомъ Маркса. Такое значеніе труда Маркса объясняется тѣмъ, что послѣ него трудовая теорія цѣнности, имѣющая многочисленныхъ сторонниковъ, оставлена лучшими представителями политической экономіи. На смѣну ей появилась теорія предѣльной полезности, обработанная австрійской школой¹⁾. Во всякомъ случаѣ критика теоріи Маркса оказывается приговоромъ надъ трудовой теоріей цѣнности.

1) Основателемъ австрійской школы политической экономіи считается Карлъ Менгеръ; его ученики—Визеръ, Бэмъ-Баверкъ, Заксъ, Филипповичъ. Эта школа рѣшительно стала на защиту теоретической, или чистой, абстрактной политической экономіи (Менгеръ *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere*—*Изслѣдованія о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности*, Заксъ *Wesen und Aufgabe der Politischen Oekonomie*, Филипповичъ *Ueber Aufgabe und Methode der Politischen Oekonomie*). Она не отказывается отъ всѣхъ пріобрѣтеній исторической школы, но отвергаетъ ея односторонность: историческое объясненіе социально-экономическихъ явленій есть лишь одно изъ возможныхъ объясненій. По утверженію Менгера, явленія могутъ быть изслѣдуемы съ двойкой точки зрѣнія: *индивидуальной* (исторической, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) и *родовой* (теоретической). Задача перваго направленія изслѣдованія состоитъ въ познаніи конкретныхъ явленій въ ихъ индивидуальной сущности и ихъ индивидуальной связи; задача второго—въ познаніи формъ явленій (типовъ) и типическихъ соотношеній (законовъ явленій). Историческое выясненіе конкретныхъ социальныхъ явленій никоимъ образомъ не есть единственное, къ которому мы можемъ стремиться на пути научнаго изслѣдованія; на ряду съ нимъ должна стоять теоретическая наука. Какова бы ни была степень точности законовъ, присущихъ области социальныхъ явленій, это не можетъ касаться характера національной экономіи, какъ науки *теоретической*. Какова бы ни была строгость типовъ и типическихъ соотношеній въ народномъ хозяйствѣ и вообще какова бы ни была ихъ природа,—сущность теоретической національной экономіи во всякомъ случаѣ можетъ состоять лишь въ изъясненіи именно этихъ типовъ и типическихъ соотношеній, или, другими словами, общей сущности и общей связи народно-хозяйственныхъ явленій, но отнюдь не сущности и связи индивидуальныхъ явленій народнаго хозяйства, т. е. не въ историческихъ выясненіяхъ, или практическихъ правилахъ для хозяйственной дѣятельности людей. Теорети-

Трудовая теорія цѣнности, которой держался Марксъ, должна быть признана несостоятельной.

чское изслѣдованіе, какъ вообще, такъ и въ области народнаго хозяйства въ частности, можетъ идти двумя путями: или реалистически-эмпирическимъ путемъ, который не можетъ привести къ установленію точныхъ, такъ называемыхъ „естественныхъ законовъ“, или же путемъ абстрактнаго изслѣдованія, точнаго направленія. На послѣднемъ пути человѣческія, или этическія, явленія приводятся къ ихъ первѣйшимъ и простѣйшимъ конститутивнымъ факторамъ, и наука, прилагая къ этимъ послѣднимъ соответствующую ихъ природѣ мѣру, стремится раскрыть законы, по которымъ образуются изъ этихъ простѣйшихъ элементовъ болѣе сложныя человѣческія явленія. Первѣйшими факторами человѣческаго хозяйства Менгеръ признаетъ—потребности, полезности, предоставленныя людямъ непосредственно природою, и стремленіе къ возможно полному удовлетворенію потребностей, или эгонизмъ. Конечно, этотъ эгонизмъ есть абстракція, ибо мотивы человѣческихъ поступковъ очень сложны, но несомнѣнно, что люди въ своихъ хозяйственныхъ стремленіяхъ руководятся, если и не исключительно, то преимущественно, своими личными интересами.

Главнѣйшимъ плодомъ этого метода политической экономіи и является прославившая австрійскую школу субъективная теорія цѣнности, теорія предѣльной полезности, изложенная у К. Менгера *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre=Основанія политической экономіи*, Визера *Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaflichen Werthes* и *Der natürliche Werth*. Бэмъ-Баверка *Grundzüge der Theorie des wirtschaflichen Güterwerthes=Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ*, Закса *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*, Флипповича *Grundriss der politischen Oekonomie I: Allgemeine Volkswirtschaftslehre=Основанія политической экономіи*. (Независимо отъ австрійской школы теорія была развита Девонсомъ *Theory of political economy=Политическая экономія*, Вальрасомъ и много ранѣ Госсеномъ). Въ послѣднее время сторонники теоріи многочисленны. Я изложу эту теорію по книгѣ Бэмъ-Баверка.

Пригодность вещей съ точки зрѣнія человѣческаго благополучія бываетъ или *полезностью*, когда данная вещь вообще способна служить для человѣческаго благополучія (напр. стаканъ воды, которую въ любомъ количествѣ можно почерпнуть изъ источника), или *цѣнностью*, когда данная вещь является не только причиною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ условіемъ человѣческаго благополучія (напр. единственный стаканъ воды въ рукахъ человѣка, путешествующаго по пустынѣ). Для образованія цѣнности необходимо, чтобы съ полезностью соединялась *рѣдкость*,—рѣдкость не абсолютная, а лишь относительная, т. е. по сравненію съ размѣрами существующей потребности въ вещахъ даннаго рода. Величина пользы, приносимой человѣку матеріальными благами, является вмѣстѣ съ тѣмъ и *мѣрою цѣнности* матеріальныхъ благъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, требуется только одно—безпристрастно и съ казуистическою строгостью изслѣдовать.

Марксъ, какъ мы видѣли, принимаетъ, что двумъ обмѣниваемымъ вещамъ присуще въ одинаковомъ количествѣ нѣч-

какая выгода, въ смыслѣ человѣческаго благополучія, зависитъ при данныхъ условіяхъ отъ данной вещи. Съ точки зрѣнія нашего благополучія, выгода, которую представляетъ для насъ обладаніе матеріальными благами, заключается по большей части въ удовлетвореніи нашихъ потребностей. Потребности наши чрезвычайно различны по своей важности. Степень ихъ важности мы измѣряемъ обыкновенно тягостью вредныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою для нашего благополучія ихъ неудовлетвореніе. Сообразно этому, наивысшую важность мы признаемъ за тѣми потребностями, неудовлетвореніе которыхъ ведетъ къ смерти, второе по важности мѣсто мы отводимъ тѣмъ потребностямъ, неудовлетвореніе которыхъ очень вредно отражается на нашемъ здоровьѣ, на нашей чести, на нашемъ счастьѣ; третье мѣсто занимаютъ тѣ потребности, неудовлетвореніе которыхъ причиняетъ намъ кратковременныя страданія, огорченія или лишенія; наконецъ, самое послѣднее мѣсто принадлежитъ тѣмъ потребностямъ, неудовлетвореніе которыхъ сопровождается для насъ лишь легкими неприятностями или лишаетъ насъ самыхъ незначительныхъ удовольствій. На основаніи этихъ признаковъ всѣ человѣческія потребности можно распредѣлить по разрядамъ соотвѣтственно ихъ важности. Однако, одно дѣло—скѣла различныхъ видовъ потребностей, другое дѣло—скѣла отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей. При опредѣленіи цѣнности матеріальныхъ благъ должно брать за основу отнюдь не скѣлу видовъ потребностей, а только скѣлу конкретныхъ потребностей. Большинство нашихъ потребностей можетъ удовлетворяться по частямъ. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно называть потребностями дѣлимыми. Когда я голоденъ, то мнѣ не приходится непременно выбирать одно изъ двухъ: или наѣсться досыта, или же оставаться совершенно голоднымъ.—Итъ, я могу и просто лишь смягчить голодъ, принявъ умеренное количество пищи; быть можетъ въ послѣдствіи я совсѣмъ утолю свой голодъ, съѣвъ вторую и третью порцію пищи, но, быть можетъ, я такъ и ограничусь первымъ частичнымъ утоленіемъ голода. Этимъ и объясняется возможность того, что въ предѣлахъ данного вида потребностей существуютъ конкретныя потребности (или части потребностей), имѣющія различное значеніе. Къ этому присоединяется еще одно, очень важное, обстоятельство. Одного и того же рода ощущеніе, повторяясь непрерывно, съ извѣстнаго момента начинаетъ доставлять намъ все меньше и меньше удовольствія, и, наконецъ, удовольствіе это превращается даже въ свою противоположность—въ неприятность и отвращеніе. Слѣдовательно, конкретныя частичныя потребности, на которыя можно разложить наши ощущенія неудовлетворенности, и послѣдовательныя частичныя удовлетворенія, которыя можно получить при помощи одинаковыхъ количествъ матеріальныхъ благъ, обладаютъ въ большинствѣ случаевъ *неодинаковымъ и при томъ постепенно уменьшающимся до нуля значеніемъ*. Поэтому, во-первыхъ, въ предѣлахъ

то общее имъ обѣимъ, что оба предмета равны третьему, который самъ по себѣ не есть ни тотъ, ни другой. Чтобы

одного и того же вида потребностей могутъ встрѣчаться конкретныя потребности (или части потребностей) неодинаковой важности. Далѣе, въ наиболѣе важныхъ видахъ потребностей существуютъ болѣе низкія и самыя низкія ступени важности. Болѣе важный видъ потребностей отличается отъ менѣ важнаго собственно тѣмъ только, что у первыхъ, такъ сказать, вершина выдается болѣе вверхъ, тогда какъ основаніе у всѣхъ лежитъ на одинаковомъ уровнѣ. Наконецъ,—что конкретная потребность болѣе важнаго, въ общемъ, вида оказывается стоящею ниже отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей менѣ важнаго, въ общемъ, вида, это не только возможность, но регулярное и органическое явленіе. Все это можно изобразить въ слѣдующей схемѣ (по книгѣ Менгера безъ осложняющихъ пропусковъ Бэмъ-Баверка):

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10
9	9
8	8	8
7	7	7	7
6	6	6	6	6
5	5	5	5	5	5
4	4	4	4	4	4	4
3	3	3	3	3	3	3	3	.	.	.
2	2	2	2	2	2	2	2	2	.	.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Въ этой схемѣ римскія цифры отъ I до X обозначаютъ различныя виды потребностей и ихъ значеніе въ нисходящемъ порядкѣ, начиная, напр., съ потребности въ пищѣ. Арабскими цифрами 10—1 обозначены принадлежащія къ различнымъ видамъ конкретныя потребности и ихъ значеніе. Изъ схемы видно, что чѣмъ важнѣе видъ потребностей, тѣмъ выше выдается самая важная конкретная потребность, принадлежащая къ нему, но въ самомъ важномъ видѣ потребностей встрѣчаются конкретныя потребности наименьшей важности 1, тогда какъ во всѣхъ другихъ видахъ, менѣ важныхъ, встрѣчаются отдѣльныя конкретныя потребности, важность которыхъ выражается болѣе высокими цифрами.

У насъ была рѣчь о сравнительной важности потребностей, но экономическая оцѣнка вещи зависитъ еще отъ другого вопроса: удовлетвореніе которой изъ нѣсколькихъ или многихъ потребностей дѣйствительно зависитъ отъ даннаго матеріальнаго блага? Вопросъ возникаетъ вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, одна и та же вещь можетъ обыкновенно служить для удовлетворенія нѣсколькихъ различныхъ конкретныхъ потребностей, и притомъ потребностей неодинаковой важности; а во-вторыхъ, очень часто въ распоряженіи нашемъ бываетъ нѣсколько экземпляровъ одного и того же рода матеріальныхъ благъ, при чемъ зависитъ уже отъ нашего усмотрѣнія, какой именно экземпляръ упо-

открыть это общее, онъ разсматриваетъ послѣдовательно всѣ свойства товаровъ. Искомымъ общимъ не можетъ быть ка-

требить для удовлетворенія важной, какой—для удовлетворенія неважной потребности. Отправляясь на охоту, я имѣю два совершенно одинаковыхъ хлѣба. Одинъ изъ этихъ хлѣбовъ нуженъ для того, чтобы наѣсться мнѣ самому, а другой для того, чтобы накормить мою собаку. Ясно, что для меня гораздо важнѣе удовлетворить мою собственную потребность въ пищу, чѣмъ потребность моей собаки. Также ясно, что отъ моей воли зависитъ, который хлѣбъ съѣсть мнѣ самому, который отдать собацѣ. Итакъ спрашивается, удовлетвореніе какой изъ двухъ существующихъ потребностей зависитъ въ данномъ случаѣ отъ моего хлѣба? Всякій благоразумный хозяинъ позаботится прежде всего удовлетворить свои важнѣйшія потребности, потомъ потребности менѣе важныя, затѣмъ еще менѣе важныя и такъ далѣе. Тѣми же простыми правилами руководствуются люди и въ томъ случаѣ, когда наличный запасъ матеріальныхъ благъ сокращается благодаря уничтоженію одного экземпляра. Если охотникъ потеряетъ одинъ хлѣбъ, именно предназначенный для утоленія его собственного голода, то онъ не захочетъ обречь себя на голодную смерть, чтобы накормить вторымъ хлѣбомъ свою собаку: напротивъ, быстро измѣнивъ первоначальный планъ удовлетворенія потребностей, онъ замѣнитъ потерянный хлѣбъ оставшимся, чтобы наѣсться самому, и оставить безъ удовлетворенія менѣе важную для него потребность, т. е. заставить голодать собаку.

Итакъ, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: на всѣхъ потребностяхъ, стоящихъ выше самой маловажной, самой „послѣдней“, т. е. занимающей самую низшую ступень въ лѣстницѣ потребностей, которыя должны быть удовлетворены при помощи наличныхъ средствъ,—утрата вещи не отзывется совершенно, такъ какъ для ихъ удовлетворенія берется, взаменъ утраченнаго, экземпляръ, предназначавшійся первоначально для удовлетворенія этой „послѣдней“ потребности. Точно также не затрагиваются утратою данной вещи и тѣ потребности, которыя стоятъ ниже „послѣдней“, ибо онѣ все равно не получаютъ себѣ удовлетворенія даже и въ томъ случаѣ, когда вещь сохраняется въ цѣлости. Напротивъ, утрата вещи всецѣло и исключительно надаетъ на „послѣднюю“ изъ потребностей, которыя предполагается удовлетворять; эта „послѣдняя“ потребность еще удовлетворяется, когда соответствующая вещь имѣется налицо, и не получаетъ себѣ удовлетворенія, когда такой вещи не имѣется. Это и есть искомая потребность, удовлетвореніе которой зависитъ отъ наличности данной вещи.

Итакъ, величина цѣнности матеріальнаго блага опредѣляется важностью той конкретной потребности (или частичной потребности), которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребностей, удовлетворяемыхъ всѣмъ наличнымъ запасомъ матеріальныхъ благъ даннаго рода. Если эту наименьшую пользу, стоящую на самой границѣ возможнаго

кое-нибудь естественное свойство товаровъ, геометрическое, физическое, химическое, служащее основаніемъ потребительной цѣнности ихъ, такъ какъ при обмѣнѣ каждая потребительная цѣнность имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и любая другая, если только она имѣется въ надлежащей пропорціи. Если же оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ, по мысли Маркса, сохраняется только одно свойство, то, что они—продуктъ труда.

Но въ методѣ Маркса заключаются грубыя погрѣшности, остроумно вскрытыя Бэмъ-Баверкомъ. Просѣивая всякія свойства товара, такъ что въ результатѣ остается одно ихъ свойство, онъ съ самаго начала кладетъ въ сито изъ имѣющихся мѣнновую цѣнность лишь вещи, обладающія тѣмъ свойствомъ, которое онъ въ концѣ концовъ желаетъ видѣть „общимъ“, а всѣ другія оставляетъ внѣ сита. Онъ поступаетъ подобно человѣку, который сильно желаетъ, чтобы изъ урны вышелъ бѣлый шаръ, и предусмотрительно содѣйствуетъ этому результату тѣмъ, что кладетъ въ урну только бѣлые шары.

и допустимаго съ экономической точки зрѣнія, назвать хозяйственной *предѣльной пользой* (Grenznutzen), то законъ величины цѣнности матеріальныхъ благъ выразится въ слѣдующей формулѣ: *цѣнность вещи измѣряется величиною предѣльной пользы этой вещи.*

Таковъ центральный пунктъ теоріи предѣльной пользы, которая, по выраженію Туганъ-Барановскаго, имѣетъ всѣ шансы стать общепринятой въ наукѣ. Впрочемъ, и въ этой теоріи критиками указывается не мало недочетовъ, и извѣстно уже много опытовъ объединенія (теоріи компромисса) трудовой теоріи цѣнности и теоріи предѣльной пользы.

Я назову еще нѣкоторые труды по вопросу объ экономической цѣнности, въ дополненіе къ названному выше—въ этомъ подстрочномъ экскурсѣ, а также въ предшествующемъ сноскѣ: Зиберъ *Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ*, Мануйловъ *Понятіе о цѣнности по ученію экономистовъ классической школы*, Орженцкій *Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности* и др., Богровъ *Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности*, Gerlach *Ueber die Bedingungen der wirtschaftlichen Thätigkeit. Erörterungen zur Wertlehre*, Wicksell *Ueber Wert, Kapital und Rente*, L. v. Buch *Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Ware*, Neumann въ Schönberg's *Handbuch der Politischen Oekonomie I*, также *Grundlagen der Volkswirtschaftslehre*, Kaulla *Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien*, Rost *Die Wert- und Preistheorie mit Berücksichtigung ihrer dogmengeschichtlichen Entwicklung.*

Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ самаго начала ограничиваетъ объемъ своего изслѣдованія субстанціи мѣнновой цѣнности „товарами“, при чемъ онъ не даетъ точнаго опредѣленія этого термина. Во всякомъ случаѣ, онъ понимаетъ его уже, чѣмъ „блага“, и сводитъ его къ продуктамъ труда, въ противоположность дарами природы. А вѣдь ясно, какъ на ладони, что, разъ обмѣнъ дѣйствительно обозначаетъ уравненіе, которымъ предполагается существованіе „общаго одинаковой величины“, то необходимо, чтобы это общее могло быть отыскиваемо и находимо во всѣхъ видахъ благъ, которыя поступаютъ въ обмѣнъ, не только въ продуктахъ труда, но и въ дарахъ природы, какъ напр. въ землѣ, деревѣ, силахъ воды, пластахъ каменнаго угля, каменоломняхъ, залежахъ нефти, минеральныхъ водахъ, золотыхъ рудникахъ и т. п. То обстоятельство, что блага, имѣющія цѣнность, но не являющіяся продуктомъ труда, при отысканіи общаго свойства, служащаго основой мѣнновой цѣнности, исключаются, является, при такихъ условіяхъ, методическимъ смертельнымъ грѣхомъ. Это ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы физикъ, желая отыскать причину общаго всѣмъ тѣламъ свойства, напр., тяжести, на основаніи процѣживанія сквозь сито одной группы тѣлъ, напр., тѣлъ прозрачныхъ, производилъ генеральный смотръ всѣмъ свойствамъ прозрачныхъ тѣлъ, а о всѣхъ другихъ свойствахъ утверждалъ, что они не могутъ быть причиной тяжести, и, на основаніи этого дѣлалъ заключеніе, что прозрачность должна быть причиной тяжести. Если бы Марксъ не ограничилъ области своего изслѣдованія продуктами труда, а искалъ общее свойство и въ имѣющихъ мѣнновую цѣнность дарахъ природы, то было бы очевиднымъ, что трудъ не можетъ быть этимъ общимъ свойствомъ. Если бы онъ высказалъ это ограниченіе ясно и отчетливо, то онъ самъ и его читатели наткнулись бы несомнѣнно на грубую методическую ошибку,—они посмѣялись бы надъ наивной уловкой, благодаря которой свойство быть продуктомъ труда благополучно оказалось общимъ свойствомъ круга вещей, постъ того какъ изъ него были предварительно исключены всѣ по своей природѣ сюда же относящіяся вещи, имѣющія мѣнновую цѣнность, но не являющіяся продуктами труда. Правда ли, что у товаровъ, за исключеніемъ потребительной цѣнности,

останется лишь то свойство, что они—продуктъ труда? Неужели только это *одно* свойство? Не останется ли у благъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, напр., еще то общее свойство, что они рѣдки по отношенію къ потребности? Или то, что они являются предметами спроса и предложенія? Или то, что они апропрированы? Или то, что они „продукты природы“? Не обще-ли мѣновымъ цѣностямъ и то свойство, что они причиняютъ издержки своимъ производителямъ—свойство, о которомъ Марксъ такъ ясно вспоминаетъ въ своемъ третьемъ томѣ? Почему же основаніе цѣнности не можетъ такъ же хорошо заключаться въ какомъ-нибудь изъ этихъ общихъ свойствъ, вмѣсто свойства—быть продуктомъ труда? Въдѣ въ пользу послѣдняго Марксъ ни разу не далъ намъ даже намекъ на положительное основаніе; его единственное основаніе носить отрицательный характеръ, что счастливо отвлеченная потребительная цѣнность не есть основаніе мѣновой цѣнности. Но развѣ не годится это отрицательное основаніе въ той же самой мѣрѣ и для всѣхъ другихъ не замѣченныхъ Марксомъ общихъ свойствъ? Да, и даже болѣе!

Марксъ исключаетъ потребительную цѣнность, какъ основаніе мѣновой цѣнности, на томъ основаніи, что при обмѣнѣ каждая потребительная цѣнность имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и любая другая,—товары, какъ потребительныя цѣнности, прежде всего различны по качеству, а какъ мѣновыя цѣнности они могутъ быть различны только по количеству, не содержать, стало быть, ни атома потребительной цѣнности. Въ то же время Марксъ и въ отношеніи къ труду дѣлаетъ различіе между его качествомъ, соответствующимъ разнымъ родамъ труда, и его количествомъ,—для него всѣ товары, какъ цѣнности, суть только опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени. Но отсюда слѣдуетъ, что въ мѣновомъ отношеніи не только одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, но и одинъ родъ труда и продуктовъ труда „имѣетъ какъ разъ такое же значеніе, какъ и всякій другой, если они имѣются только въ надлежащей пропорціи“? Другими словами, тѣ же условія, на основаніи которыхъ Марксъ только-что исключилъ потребительную цѣнность, существуютъ и по отношенію къ труду. Трудъ и потребительная цѣнность имѣютъ качественную и количественную сто-

роны. Поскольку качественно различна потребительная цѣнность, какъ, напр., столъ, домъ, пряжа, постольку качественно различенъ также трудъ столяра, плотника и арядильщика. И поскольку можно сравнивать трудъ различного рода по количеству, постольку можно также сравнивать потребительныя цѣнности различного рода по величинѣ потребительной цѣнности. Если бы Марксъ измѣнилъ порядокъ изслѣдованія, то онъ могъ бы при посредствѣ того же умозаключительнаго аппарата, съ помощью котораго онъ устранилъ потребительную цѣнность, устранить трудъ и тѣмъ же путемъ, на которомъ онъ увѣличалъ преміей трудъ, превознести потребительную цѣнность, какъ единственное оставшееся, а слѣдовательно, искомое общее свойство, цѣнность же объявить застывшей потребительной цѣнностью (Gebrauchs-Werth-Gallerte). Можно совершенно серьезно утверждать, что въ обоихъ абзацахъ *Kapitала*, гдѣ (въ первомъ) отвлекается вліяніе потребительной цѣнности и (во второмъ) доказывается, что трудъ является искомымъ объектомъ свойствомъ, подлежащія могутъ быть переставлены безъ всякаго ущерба для внѣшней логической правильности разсужденія. Измѣнивъ строй предложеній, можно вполне подставить всюду въ первомъ абзацѣ вмѣсто потребительной цѣнности — трудъ и произведенія труда, а во второмъ вмѣсто труда — потребительную цѣнность ¹⁾.

¹⁾ Бэмъ-Баверкъ отказывается допустить мысль, что такіе діалектическіе фокусы для самого Маркса являлись основаніемъ и источникомъ его убѣжденія: такой крупный мыслитель, какъ Марксъ, не избралъ бы столь извилистаго и неестественнаго пути, если бы онъ дѣйствительно заботился главнѣе всего о выработкѣ собственнаго убѣжденія и о свободномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія вещей. По мнѣнію Бэмъ-Баверка, убѣжденность Маркса покоилась не на тѣхъ основахъ, которыя онъ выставилъ въ своей системѣ. Тутъ, прежде всего, оказалъ свое дѣйствіе престижъ такихъ авторитетовъ, какъ Смитъ и Рикардо. Хотя они не обосновывали, а выставляли свою идиллію трудовой цѣнности, какъ естественное состояніе, Марксъ выступилъ въ качествѣ наслѣдника ихъ воззрѣній. Будучи яркимъ социалистомъ, онъ охотно послѣдовалъ ихъ авторитету. Можно ли удивляться, что къ мысли, подтверждающей въ такой мѣрѣ его экономическое мировоззрѣніе, онъ не отнесся съ большимъ скептицизмомъ, чѣмъ Рикардо, которому однако же приходилось идти въ разрѣзъ съ ней? Можно ли удивляться, что, пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, который заставилъ классиковъ высказать полу-смутныя, полу-

Такіе же логическіе промахи Марксъ допускаетъ и въ вопросѣ о сложномъ трудѣ, который онъ приводитъ къ простому труду, оправдываясь при этомъ *наблюденіемъ*. Допустимъ пока, что это вѣрно, и присмотримся внимательно, какимъ образомъ и какими факторами должна быть устанавливаема единица мѣры для этого, соответствующаго наблюденію, приведенія, на которое ссылается Марксъ. Тутъ мы наталкиваемся на явленіе, весьма естественное, но въ то же время весьма неблагоприятное для теоріи Маркса, а именно, что единица мѣры для приведенія устанавливается не чѣмъ инымъ, какъ фактическими мѣновыми отношеніями. Аргументація Маркса представляетъ собою *circulus vitiosus*. Требуется вѣдь объяснить мѣновыя отношенія различныхъ товаровъ: почему, напр., статуэтка, на выдѣлку которой скульпторъ употребилъ одинъ день своего труда, обмѣнивается на возъ щебня, который стоилъ пять дней работы камнедробильщиковъ, а не на большее или меньшее количество щебня? Какъ же объясняетъ это Марксъ? Онъ говоритъ, что мѣновое отношеніе таково, а не иное, потому, что одинъ день труда скульптора долженъ быть приведенъ къ пяти днямъ простого труда. А почему его слѣдуетъ приводить именно къ пяти днямъ? Потому что-де такое именно приведеніе совершается, какъ указываетъ наблюденіе, общественнымъ процессомъ. А какой же это общественный процессъ? Тотъ именно, который требуется объяснить.

Факты говорятъ, что мѣновая цѣнность находится въ зависимости отъ количества труда, котораго стоило ихъ производство, только у одной части благъ и притомъ не непосредственно. Мнимому „закону“, что цѣнность благъ опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда,

противорѣчивыя, отнюдь не обоснованныя сужденія, Марксъ лично увѣровалъ въ ихъ достовѣрность, твердо, безусловно, съ пылкой увѣжденностью? Самъ онъ не нуждался въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, для его системы было необходимо только формальное обоснованіе. И онъ обратился къ логико-диалектическому умозрѣнію, чтобы доказать то, чего онъ желалъ. Такимъ образомъ и могло случиться, что такой могучій умъ, какимъ былъ Марксъ, или не замѣчая чудовищныхъ логическихъ несообразностей, или оправдывая ихъ, какъ средство для обоснованія того, въ чемъ былъ увѣжденъ, далъ образчикъ столь тяжелой, столь постоянно и столь очевидно фальшивой логики.

значительная часть благъ *совершенно не* подчиняется, остальные же подчиняются *не всегда*, а если и подчиняются, то *никогда въ точности*—это даннаго опыта, съ которыми приходится считаться теоретику цѣнности. Безъ сомнѣнія, затрата труда является обстоятельствомъ, оказывающимъ сильное вліяніе на мѣншую цѣнность многихъ благъ, но не въ качествѣ окончательной причины, ибо она въ такомъ случаѣ должна была бы быть общей для всѣхъ явленій цѣнности, а въ качествѣ частичной, промежуточной. Вліяніе труда на цѣнность благъ можетъ выразиться лишь въ *частичныхъ* законахъ цѣнности. Законы, формулирующіе вліяніе труда на мѣншую цѣнность благъ, будутъ относиться къ общему закону цѣнности приблизительно такъ же, какъ законъ: „западный вѣтеръ приноситъ дождь“ относится къ общей теоріи дождя. Западный вѣтеръ является весьма распространенной промежуточной причиной дождя совершенно такъ же, какъ и затрата труда является весьма распространенной промежуточной причиной цѣнности благъ: но сущность дождя такъ же мало покоится на западномъ вѣтрѣ, какъ сущность цѣнности на затраченномъ трудѣ ¹⁾.

¹⁾ Цѣнность, безъ сомнѣнія, находится въ зависимости отъ труда, только эта зависимость—не точная количественная зависимость. Если бы мы могли произвести точное количественное наблюденіе надъ тѣми разнообразными дѣйствіями людей, которыми созданы опредѣленные блага, и затѣмъ сопоставить полученныя величины труда, соотвѣтствующаго благамъ, съ величинами цѣнности благъ, между тѣми и другими величинами обнаружилось бы несоотвѣтствіе. Это несоотвѣтствіе между цѣнностью и трудомъ выражается настолько крупной величиной, что ея нельзя пренебречь при хозяйственныхъ расчетахъ. Отсутствіе соотвѣтствія между трудомъ и цѣнностью благъ не даетъ возможности опредѣлить, насколько въ производствѣ даннаго блага участвовалъ активный факторъ, человѣческая сила, и насколько остальные. Данное лицо или группа, доставляющія обществу опредѣленное количество продукта, могли получить эти продукты частью вслѣдствіе умѣлаго пользованія пассивными факторами производства, межъ тѣмъ какъ другія лица или группы при тѣхъ же средствахъ и томъ же количествѣ труда получили бы менѣе значительное количество продукта, чѣмъ даннаго. Точно такимъ же образомъ нѣсколько индивидуумовъ или мелкихъ группъ могутъ производить нѣкоторый избытокъ, соединяя свои силы для общей цѣли. Этого избытка не оказалось бы, если бы данные хозяйствующіе субъекты дѣйствовали въ одиночку. И въ томъ и въ другомъ случаѣ отношеніе между индивидуумами и группами, съ одной стороны, и обществомъ, съ другой, можетъ принимать самыя разнообразныя формы въ зависимости отъ положенія, которое

Самымъ важнымъ свидѣтельствомъ недостатковъ въ ученіи Маркса о цѣнности служить непреодолимое затрудненіе рѣшить съ точки зрѣнія трудовой цѣнности вопросъ о конкретныхъ, рыночныхъ цѣнахъ, что послужило причиной рѣзкаго противорѣчія между первымъ и третьимъ томами *Капитала*. Въ самомъ дѣлѣ, Марксъ различаетъ въ капиталѣ, который служитъ капиталисту для присвоенія прибавочной цѣнности, двѣ составныхъ части: одна часть предназначена для оплаты труда — „перемѣнный капиталъ“, другая расходуется на вещественныя средства производства, сырой матеріалъ, орудія, машины и т. п. — „постоянный капиталъ“. Такъ какъ только живой трудъ можетъ въ дѣйствительности создать новую прибавочную цѣнность, то только превращенная въ рабочую силу часть капитала можетъ измѣнять, увеличивать въ процессѣ производства свою цѣнность, почему Марксъ и назвалъ ее „перемѣннымъ“ капиталомъ. Только она воспроизводитъ свою собственную цѣнность и сверхъ того создаетъ еще нѣкоторый излишекъ, прибавочную цѣнность. Цѣнность же шноенныхъ средствъ производства просто сохраняется, возстановляясь въ измѣненномъ видѣ, но неизмѣнной величиной — откуда и названіе „постоянный капиталъ“ — въ цѣнности продукта; она не въ состояніи „создать прибавочную цѣнность“. Отсюда неизбежно слѣдуетъ, и Марксъ не упустилъ возможности подчеркнуть это, что масса прибавочной цѣнности, которая можетъ быть произведена какимъ-либо капиталомъ, находится въ прямомъ отношеніи не ко всей величинѣ капитала, а только къ *перемѣнной* его части. Изъ этого слѣдуетъ дальше, что капиталы одинаковой величины должны производить неодинаковое количество прибавочной цѣнности, если въ нихъ сочетаніе постоянныхъ и перемѣнныхъ составныхъ частей — Марксъ называетъ это ихъ „органическимъ строеніемъ“ — различно. Если мы затѣмъ вмѣстѣ съ Марксомъ назовемъ отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнной части капитала, обращенной на заработныя платы, „нормой прибавочной цѣнности“, а ея отношеніе ко всему затраченному капиталистомъ капиталу, *сообразно съ которымъ онъ на*

займутъ отдѣльныя части по отношенію къ совокупности частей — обществу (Шоръ).

практикъ обыкновенно вычисляетъ присвоюемую прибавочную цѣнность, „нормой прибыли“, то окажется, что, при равной степени эксплуатаціи, или равной нормѣ прибавочной цѣнности, капиталы неодинаковаго органическаго строенія должны приносить неодинаковыя нормы прибыли. Капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ перемѣнная часть, должны приносить болѣе высокія нормы прибыли, тѣмъ тѣ капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ постоянная часть. Опытъ, однако, показываетъ, что, по закону уравненія прибыли, капиталы, независимо отъ различія ихъ строенія, приносятъ вообще одинаковыя нормы прибыли. Такимъ образомъ, обнаруживается явное противорѣчіе того, что есть, съ тѣмъ, что, по ученію Маркса, должно было бы быть. На существованіе этого противорѣчія обратилъ вниманіе уже самъ Марксъ. Онъ упомянулъ о немъ лаконически уже въ первомъ томѣ, но назвалъ его только „кажущимся“ и за разрѣшеніемъ его отослалъ къ послѣдующимъ частямъ своей системы. Позднѣе появившійся третій томъ *Капитала* и пытается рѣшить эту проблему. Въ дѣйствительности онъ содержитъ подробное выясненіе проблемы, но не разрѣшеніе таковой, а подтвержденіе непримиримаго противорѣчія и молчаливое, не признанное, приукрашенное, но въ сущности все-же отреченіе отъ ученія перваго тома.

Марксъ развиваетъ теперь слѣдующее ученіе. Онъ категорически признаетъ, что въ дѣйствительности, вслѣдствіе дѣйствія конкуренціи, нормы прибыли капиталовъ, каково бы ни было ихъ органическое строеніе, приравниваются и должны быть приравниваемы одной средней нормѣ прибыли. Далѣе, онъ категорически признаетъ, что разныя нормы прибыли при неравномъ органическомъ строеніи капиталовъ возможны только тогда, если отдѣльные товары обмѣниваются другъ на друга не пропорціонально опредѣляемой трудомъ цѣнности, а нѣсколько иначе: товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ болѣею въ процентномъ отношеніи постоянной частью (капиталы „высшаго строенія“), обмѣниваются выше своей цѣнности, а товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ меньшею въ процентномъ отношеніи постоянной частью, а болѣею перемѣнною (капиталы „низшаго строенія“), обмѣниваются ниже своей цѣнности. Наконецъ, Марксъ

категорически признаетъ, что образованіе цѣнъ въ практической жизни дѣйствительно происходитъ такимъ образомъ. Въ дѣйствительной жизни товары не обмѣниваются уже пропорціонально ихъ цѣностямъ, а обмѣниваются пропорціонально цѣнѣ производства, т. е. цѣнѣ товара, которая, сверхъ возмѣщенія уплаченныхъ заработныхъ платъ и сношенныхъ средствъ производства, содержитъ также и среднюю прибыль на затраченный въ производствѣ капиталъ... Эти допущенія и утвержденія третьяго тома находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ основными ученіями перваго тома. Въ первомъ томѣ читателямъ сказано, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара должны содержать въ себѣ нѣчто общее одинаковой величины, и что этимъ общимъ одинаковой величины является трудъ. Изъ третьяго тома мы узнаемъ, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара въ дѣйствительности постоянно содержатъ и по необходимости должны содержать неодинаковое количество труда... Никогда еще—заканчиваетъ Вэмъ-Баверкъ—начало какой-либо системы не было рѣшительнѣе и рѣзче изобличено во лжи ея концомъ.

Изъ сказаннаго безспорно слѣдуетъ, что трудовое обоснованіе цѣнности не можетъ быть признано объясненіемъ того, что есть въ дѣйствительности. Что же оно изъ себя представляетъ, если не называть его чистымъ заблужденіемъ? Оно не есть объясненіе настоящаго, но оно есть идея долгаго, осуществленія котораго нужно ожидать лишь въ будущемъ,—оно не есть плодъ наблюдающаго ума, но оно есть голосъ сердца, жаждущаго правды. Такимъ образомъ въ самой сердцевиנѣ марксизма, претендующаго на званіе чистой научной теоріи, пріютилось нравственное чувство,—и какъ бы это чувство ни было почтенно, какъ бы оно ни было умѣтно въ вопросахъ этого рода, марксизму его чуждость не служитъ на пользу: экономическая теорія Маркса разрывается отъ внутренняго противорѣчія.

Что трудовая теорія цѣнности возникаетъ изъ нравственнаго источника, это открыто признавали другіе теоретики трудовой цѣнности. Таково было ученіе Тома Аквинскаго о *justum pretium*, т. е. о цѣнѣ, соответствующей требованіямъ справедливости. Справедливымъ Тома Аквинскій называлъ такой обмѣнъ продуктовъ, который соответствовалъ бы ве-

личинѣ труда, затраченнаго на ихъ производство. Эта теорія была христіанскимъ соціальнымъ идеаломъ, нравственнымъ требованіемъ христіанства, обращеннымъ къ общественной жизни. Затѣмъ Прудонъ въ *Systeme des contradictions économiques* разрѣшаетъ задачу конституировація цѣнности, т. е. установленія такой цѣнности, при которой не имѣла бы мѣста эксплуатація труда господствующими классами; трудовая цѣнность и является въ его системѣ путемъ къ осуществленію этого идеальнаго строя, „конституированной цѣнностью“. Марксъ, оспаривая Прудона въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ его системы и называя трудовую теорію цѣнности не теоріей „новаго соціальнаго міра“, не „революціонной теоріей эмансипаціи пролетаріата“, какъ это дѣлалъ Прудонъ, а научнымъ истолкованіемъ современной экономической жизни, формулой современнаго угнетенія рабочаго, подписываетъ смертный приговоръ надъ своей экономической системой. Даже Родбертусъ, которому, наравнѣ съ Марксомъ, приписываютъ абсолютную трудовую теорію цѣнности, не забываетъ, въ ущербъ послѣдовательности своей системы, объ этическомъ характерѣ этой теоріи. Вотъ что онъ пишетъ во второмъ письмѣ къ Кирхману: „хотя рыночная цѣнность въ предоставленномъ самому себѣ оборотѣ и находится подъ измѣнчивымъ вліяніемъ всеобщаго спроса и предложенія, все-же она *тяготеетъ* къ затраченной на созданіе продукта производительной силѣ, къ издержкамъ производительной силы; она неизмѣнно стремится обезпечить справедливое вознагражденіе. Ибо эгоизмъ при наличности конкуренціи поведетъ къ тому, что никто не будетъ долго получать за меньшее количество затраченной производительной силы большее ея количество въ обмѣненномъ продуктѣ, такъ какъ каждый сталъ бы стремиться къ такому выгодному производству, пока опять не возстановилось бы равновѣсіе и пока въ обмѣниваемыхъ продуктахъ опять не стали бы обмѣниваться равныя затраты производительной силы, равныя издержки, равный трудъ. Однако движеніе дѣйствительнаго рынка, подобно движенію маятника, всегда будетъ отклоняться въ обѣ стороны отъ этой точки покоя, хотя школа Рикардо, которая болѣе всего пошла по стопамъ Адама Смита, приняла это простое стремленіе уже за достиженіе и обосновала всѣ свои дальнѣйшія дедукціи на такомъ пред-

положеніи, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. То, что Рикардо предполагаетъ осуществившимся, еще только должно имѣть мѣсто и составляетъ одну изъ величайшихъ и важнѣйшихъ въ практическомъ отношеніи національно-экономическихъ *идей*. Въ естественномъ государственномъ правѣ социальный договоръ разсматривался первоначально, какъ историческій фактъ, лежащій позади, пока болѣе правильное пониманіе не признало въ немъ только *идею*, согласно которой должны регулироваться индивидуальныя права и обязанности, т. е. нѣчто, реализуемое по своему существу въ будущемъ; подобно этому совпаденіе мѣнсовой цѣнности продуктовъ съ количествами труда, которыхъ они стоили, не есть фактъ, но одна изъ грандіознѣйшихъ экономическихъ идей, которыя когда-либо стремились осуществить“¹⁾.

Итакъ, идея трудовой цѣнности есть идея должнаго, проникающая въ экономическую теорію Маркса помимо его сознанія²⁾. И, разумѣется, нѣтъ основаній суживать эту идею

1) Ср. *Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände* гл. IV. Изъ позднѣйшихъ авторовъ см. Штаммлера *Die Lehre von dem richtigen Rechte und Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung* = *Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи*.

2) Однако, критикуя Аристотеля, Марксъ пишетъ: „что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ одинаковый и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы. Тайна выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнность всѣхъ видовъ труда, потому что я поскольку они всѣ представляютъ человѣческій трудъ вообще.— эта тайна могла быть разгадана лишь тогда, когда идея человѣческаго равенства получила уже прочность народнаго предразсудка“. Ср. также указаніе на историческій и моральный элементы въ опредѣленіи цѣнности рабочей силы.

На нравственный характеръ трудовой теоріи цѣнности указываютъ многіе критики марксизма. Такъ Венкштернъ *Marx: Wenn Marx den sittlichen Begriff der Gleichheit und gleichen Gültigkeit aller Arbeit, seiner materialistischen Auffassung gemäss, aus den Verhältnissen der Wirtschaft hervorgehen lässt, so bildet doch dieser sittliche Begriff die Grundlage seiner ganzen Theorie. Auf ihm, der Gleichheit und gleichen Gültigkeit aller Arbeit, ist der Wert und Mehrwert, die Accumulation, die industrielle Reservearmee und der schliessliche Zusammenbruch des Kapitalismus aufge-*

отношеніями труда: напротивъ, нравственное чувство вскрываетъ эксплуатацію во всѣхъ областяхъ социальна-экономиче-

baut. Die rein ökonomischen Entwicklungen, welche mit dem Wert beginnen, sind dennoch alle dieses einen sittlichen Elements—der Gründung auf die Idee der Gleichheit—teilhaftig und dadurch zugleich zu sittlichen Begriffen gestempelt. — Бен. Кроче: „Развѣ интересъ, побуждающій насъ конструировать понятие *прибавочной цѣнности*, не есть въ значительной степени интересъ моральный или, скажемъ, социальный? Развѣ можно говорить въ чистой экономикѣ о прибавочной цѣнности? Развѣ пролетарій не продаетъ свою рабочую силу за то, что она стоитъ при существующемъ положеніи его въ современномъ обществѣ?“ — Ш. Жидъ въ *Основахъ политической экономіи*: „Мы не должны колебаться въ выборѣ между двумя объясненіями цѣнности (теоріей производительной пользы и трудовой теоріей). Первое есть выраженіе того, что есть: въ дѣйствительности цѣнность вещей пропорціональна желаніямъ людей. Второе объясненіе есть только выраженіе того, что должно бы быть: было бы желательно, чтобы цѣнность вещей была пропорціональна труду людей“. П. Струве *О некоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Реализмъ и номинализмъ въ политической экономіи* въ *Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института* т. X в. 1 приписываетъ Марксу универсализмъ, или социологическій реализмъ. „Отъ нормативнаго этическаго пониманія цѣнности вовсе не такъ далеко, какъ это можетъ казаться, до пониманія цѣнности, какъ внутренней „основы“ или „закона“ цѣны. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что *bonitas intrinseca, valor, pretium naturale* канонистовъ превращается въ *intrinsic* или *natural value*, или *natural price*, т. е. въ объективную цѣнность позднѣйшихъ экономистовъ. „Законъ цѣнности“ становится *idée fixe* политической экономіи. И реалистическій мотивъ мышленія выступаетъ въ этой области всего ярче у того писателя, у котораго онъ сочетается съ наибольшей широтой общей философской концепціи экономической науки, у Маркса... Трудовая цѣнность превращается не только въ законъ, но и въ „субстанцію цѣны“... Не въ діалектикѣ, которую Марксъ усвоилъ себѣ чисто внѣшнимъ образомъ и которая представлялась ему и до сихъ поръ представляется его вѣрнымъ послѣдователямъ какой-то логикой эволюціоннаго принципа, связующее звено между материалистомъ Марксомъ и идеалистомъ Гегелемъ, а именно въ той власти, которую надъ умами обоихъ этихъ мыслителей имѣлъ реалистическій мотивъ“.

Визеръ въ *Der natürliche Werth*, также отмѣчая нравственныя цѣли усвоенной Марксомъ трудовой теоріи цѣнности (эти цѣли Визеръ, какъ и вся австрійская школа, не включаетъ въ содержаніе политической экономіи), рассматриваетъ эту теорію, какъ социалистическую программу оцѣнки благъ въ будущемъ обществѣ, и указываетъ на ея полную непригодность: *Nicht einen Tag würde der zukünftige Wirtschaftsstaat mit jener Werthconstruction verwaltet werden können. Ja bei den ersten vorbereitenden Anstalten seiner Einrichtung müsste deren*

ской жизни, при чемъ всякій видъ эксплуатаціи имѣеть такое же значеніе, какъ и другой. Вѣрныя сужденія высказываетъ Франкъ. Обычное положеніе, вытекающее изъ трудовой теоріи мѣншовой цѣнности и соответствующей ей схемы распредѣленія, гласящее: рабочій классъ находится въ зависимомъ положеніи и эксплуатируется, какъ производитель, а не какъ потребитель,—неправильно. Это положеніе можно считать вѣрнымъ, только понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ оно обыкновенно не понимается. Такъ какъ прибавочная цѣнность есть часть общественнаго дохода, и такъ какъ послѣдній долженъ быть произведенъ, прежде чѣмъ быть распредѣленнымъ, то очевидно, что прибавочная цѣнность также создается не потребленіемъ, а производствомъ, и что, поэтому, она можетъ быть „извлечена“ изъ членовъ общества только постольку, поскольку они заняты производствомъ. Это, однако, нисколько не предрѣшаетъ, какими путями произойдетъ это „извлеченіе“, т. е. будетъ ли эксплуатація связана съ тѣми отношеніями между членами общества, въ которыхъ они выступаютъ въ качествѣ производителей, именно, съ отношеніями

gänzliche Unbrauchbarkeit erkannt werden. Но Визеръ забываетъ, что Марксъ умѣеть отличать die persönliche Ordnung (Визеръ: Die moralische Zurechnung—признание *заслуги* единственно за рабочими—mag für die persönliche Ordnung des Einkommens bedeutungsvoll sein, für die sachliche Auftheilung des Ertrages ist sie belanglos) отъ общественныхъ интересовъ хозяйства. Дѣло въ томъ, что Марксъ и для будущаго считаетъ необходимымъ прибавочный трудъ, хотя онъ не будетъ уже имѣть антагонистической формы. Свою мысль Марксъ ясно высказываетъ въ III томѣ *Капитала*. „Прибавочный трудъ вообще, какъ трудъ, превышающій количество данныхъ потребностей, долженъ быть всегда. Но въ капиталистическомъ или рабовладѣльческомъ и т. п. хозяйствахъ онъ имѣеть антагонистическую форму и дополняется бездѣятельностью, праздною въ некоторой части общества. Определенное количество прибавочнаго труда требуется въ видѣ страхованія противъ случайностей, необходимымъ поступательнымъ расширеніемъ процесса воспроизводства, соответствующимъ развитію потребностей и прогрессу населенія, что съ капиталистической точки зрѣнія называется накопленіемъ“ и т. д. Такимъ образомъ, и въ терминахъ экономической теоріи Маркса мы можемъ подтвердить „легковѣрность и неосновательность надежды рабочихъ на то, что социализмъ превратитъ ихъ въ кооперативныхъ собственниковъ или хозяевъ производствъ“ (стр. 65).

найма труда, или же съ тѣми, въ которыхъ они выступаютъ, какъ потребители. То и другое одинаково возможно и одинаково существуетъ на самомъ дѣлѣ. Мы можемъ съ тѣми же правомъ считать источникомъ эксплуатаціи, выражаясь конкретно, низкую заработную плату, какъ и высокую цѣну продуктовъ, покупаемыхъ рабочими. Если мы представимъ себѣ, что всѣ продавцы товаровъ отказались при продажѣ отъ прибыли, продавая продукты по цѣнамъ издержекъ производства, то легко видѣть, что для рабочаго это было бы равносильно приобрѣтенію въ его заработной платѣ цѣнаго продукта труда. Такъ какъ классъ продавцовъ совпадаетъ съ классомъ капиталистовъ (въ предполагаемой схемѣ общества, состоящаго изъ однихъ капиталистовъ и рабочихъ), то отказъ класса продавцовъ отъ прибыли есть вмѣстѣ съ тѣми отказъ класса капиталистовъ отъ прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, прекращеніе „эксплуатаціи“. Потребительныя общества рабочихъ, отнимающія въ пользу рабочаго класса часть прибыли торговцевъ и капиталистовъ тѣхъ отраслей производства, которыя изготовляютъ предметы потребленія рабочаго класса, даютъ практическое подтвержденіе этого теоретическаго расчета. Вообще мы не можемъ отождествлять процесса извлеченія прибавочной цѣнности съ какимъ-либо опредѣленнымъ хозяйственнымъ дѣйствіемъ, потому что этотъ процессъ можетъ обнаружиться только въ результатѣ всего процесса распредѣленія всего общественнаго дохода и есть не что иное, какъ особое выраженіе для современнаго порядка распредѣленія. Такимъ образомъ, рабочій эксплуатируется въ этомъ смыслѣ не какъ производитель и не какъ потребитель, а какъ членъ хозяйственнаго общества вообще, какъ участникъ всей суммы хозяйственныхъ дѣйствій общества.

Установивъ этическій характеръ трудовой теоріи цѣнности, которымъ окончательно подрывается ея научное значеніе, мы должны ясно представлять себѣ, что отсюда слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ.

Крушеніе трудовой теоріи цѣнности никакъ не означаетъ гибели дѣла рабочихъ и, вообще, обездоленныхъ: это дѣло достаточно утверждается на нравственномъ чувствѣ, на ихъ субъективномъ чувствѣ справедливости. Мы можемъ согласиться съ мнѣніемъ Бернштейна: „прибавочный трудъ—

эмпирической, доказанный *опытомъ фактъ*, который совершенно не нуждается въ дедуктивномъ доказательствѣ. Справедлива ли теорія цѣнности Маркса или нѣтъ,—не имѣеть рѣшительно никакого значенія для доказательства существованія прибавочнаго труда“. Въ эти слова нужно было бы внести небольшое измѣненіе,—нужно было бы сказать: прибавочный трудъ — доказанный *нравственнымъ* опытомъ фактъ, доказанный съ несомнѣнностью для самихъ угнетенныхъ. Лучше выражаетъ эту мысль Туганъ-Барановскій. „Для обнаруженія соціальнаго содержанія дохода, не основаннаго на трудѣ, не требуется исходить изъ какой бы то ни было теоріи цѣнности. Весьма распространенное мнѣніе, что социалистическая критика существующаго хозяйственнаго строя должна неизбѣжно опираться на абсолютную трудовую цѣнность, основано на грубомъ недоразумѣніи. Утопическій социализмъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо научнѣе, такъ какъ онъ не стремился къ невозможному объективному обоснованію своихъ соціально-этическихъ требованій. Для доказательства того, что доходъ, не основанный на трудѣ, основывается на насиліи, соціальномъ гнетѣ, достаточно сослаться на очевидный фактъ, что рабочіе работаютъ въ пользу капиталистовъ не изъ любви къ нимъ и не изъ любви къ дѣлу, а изъ необходимости, по нуждѣ. Но кромѣ объективной научной своей части ученіе объ эксплуатациіи труда содержитъ въ себѣ субъективные, этические моменты. Послѣдніе неизбѣжно должны входить въ его составъ уже по одному тому, что самое понятіе эксплуатациіи труда имѣеть этический характеръ. Подъ эксплуатацией человѣка человекомъ мы понимаемъ использование личности человѣка въ опредѣленныхъ внѣшнихъ для нея цѣляхъ въ ущербъ ея интересамъ. Такое использование осуждается нашимъ моральнымъ сознаніемъ. Почему же? Очевидно потому, что мы признаемъ личность человѣка священной и верховной цѣлью въ себѣ, потому что человѣкъ никогда не долженъ служить въ чьихъ-либо рукахъ средствомъ для чего-либо для себя посторонняго. Идея равенства, равноцѣнности человѣческой личности лежитъ въ основѣ понятія эксплуатациіи человѣка человекомъ. Идея равноцѣнности человѣческой личности составляетъ, такимъ образомъ, неустрашимый этический элементъ теоріи эксплуатациіи труда. Отнимите

отъ теоріи эксплуатаціи труда этическую идею равноцѣнности личности, и вся теорія утратитъ свое практическое значеніе⁴. Дѣло угнетенныхъ утверждается на ихъ нравственномъ чувствѣ. Это Марксъ безсознательно выразилъ своей теоріей трудовой цѣнности. Другіе социалисты открыто признають необходимость нравственной опоры для социалистическаго движенія. Таковъ французскій социалистъ Малонъ ¹⁾. Эффертцъ ²⁾ вполне безуспѣшно пытается доказать центральное положеніе личности въ человѣческомъ хозяйствѣ на томъ основаніи, что это — человѣческое хозяйство, а не хозяйство пчель и не хозяйство быковъ: въ человѣческомъ хозяйствѣ активная роль принадлежитъ человѣку, какъ въ хозяйствѣ пчель и быковъ она принадлежала бы пчеламъ и быкамъ,—человѣкъ есть личность для изучающаго человѣческое хозяйство такъ же, какъ для изучающаго хозяйство пчель и быковъ личностями были бы пчелы и быки. Это мнѣніе было бы справедливо, если бы рѣчь шла объ отношеніи человѣка къ животнымъ, но этого основанія недостаточно, когда рѣчь идетъ объ отношеніи въ хозяйственной области человѣка къ человѣку, класса къ классу. Хозяйственная область есть объективная область, поскольку въ ней устанавливаются отношенія между людьми не непосредственно, а чрезъ посредство хозяйственныхъ продуктовъ; но и съ объективной точки зрѣнія для признанія человѣка личностью нужно не меньше, какъ наличность нравственнаго сознанія въ немъ,—угнетаемые будутъ признаны въ классовыхъ отношеніяхъ личностями лишь подъ тѣмъ условіемъ, если въ нихъ пробудилось нравственное сознаніе. И безспорно, самъ Марксъ не мало содѣйствовалъ укрѣпленію нравственнаго сознанія въ рабочихъ своимъ ученіемъ о трудовой цѣнности.

Сведеніе трудовой теоріи цѣнности къ нравственному сознанію, къ субъективному чувству справедливости не означаетъ крушенія дѣла рабочихъ и вообще угнетенныхъ, но оно означаетъ, что это дѣло не можетъ быть основано научно-объективно. Нравственное требованіе равномерности въ распредѣленіи благъ нельзя формулировать теоретически.

1) *Le socialisme integral.*

2) *Arbeit und Boden.*

а научная теорія, ограничивающаяся собственными предѣлами, не приводит ни къ какимъ нравственнымъ выводамъ. Нравственное требованіе нельзя выразить теоретически, ибо „существованіе, основанное на личномъ трудѣ, нельзя считать болѣе *естественнымъ*, чѣмъ праздное существованіе: природа терпитъ и то и другое. Вопросъ о порядкѣ, съ которымъ связаны вопросы о цѣнности и прибавочной цѣнности—второстепенный вопросъ: эксплуатация—лишь частный случай вторженія одного человѣка въ сферу проявленія силъ другого, а сферы проявленія силъ и стремленій отдѣльныхъ людей могутъ сталкиваться при идеальномъ порядкѣ“ (Шоръ). Съ другой стороны, теорія не можетъ обосновать никакого долженствованія. „Прибавочная цѣнность Маркса или рента Родбертуса есть не что иное, какъ часть общественнаго дохода, отдаваемого обществомъ тѣмъ классамъ или лицамъ, которые сами не вернули обществу соотвѣтствующей доли общественнаго труда. Какова бы ни была мѣровая цѣнность этой части общественнаго дохода, на какомъ бы основаніи ни присвоивали ее эти классы или лица, обществу, какъ цѣлому, эта часть дохода, какъ и всякая другая, стоила затраты извѣстной суммы общественнаго труда, и потому оно оцѣниваетъ ее пропорціонально этому количеству общественнаго труда. Этимъ еще нисколько не разрѣшается вопросъ, правомѣрно и полезно ли такое присвоеніе части общественнаго дохода лицами, не участвовавшими въ его производствѣ, устранимо ли оно или нѣтъ—все это социально-политическіе или этическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ лежитъ совсѣмъ въ другой области и исполнѣ независимо отъ простого констатированія этого присвоенія“ (Франкъ) ¹⁾.

¹⁾ Иначе сказать, субъективное нравственное сознаніе получаетъ общественно-историческое значеніе никакъ не вслѣдствіе связи съ абсолютнымъ нравственнымъ принципомъ, который имѣлъ бы объективное значеніе, ибо объективнымъ принципомъ можетъ быть лишь условно-соціальный, выражающій установившееся равновѣсіе общественныхъ силъ, такъ что апеллировать къ нему въ пользу возрождающагося класса было бы *sigulus vitiosus*, а абсолютный нравственный принципъ можетъ быть только личнымъ. Субъективное нравственное сознаніе получаетъ общественное значеніе единственно вслѣдствіе той силы групповой или классовой, въ которую оно вырастаетъ. И обрат-

Критика теоріи накопленія и сосредоточенія капитала. По изслѣдованіи критиковъ, особенно Бернштейна и Вейсен-

но—нѣтъ лучшаго пути создать классовую силу, какъ возрождая нравственное сознание, особенно если оно подкрѣпляется религіозной вѣрой. Напротивъ, то же нравственное сознание можетъ ослаблять силу господствующихъ классовъ, хотя бываетъ и обратное. Внѣ этого вліянія на соотношеніе общественныхъ силъ, въ социальныхъ наукахъ не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ сознаниі, но рѣчь эта остается вполнѣ въ предѣлахъ точной науки, если нравственное сознание разсматривается въ рамкахъ социальнаго вліянія на соотношеніе силъ. Герценъ говоритъ (*Съ того берега*) по этому вопросу черезчуръ рѣзко и рѣшительно. „Аристократія“, пишетъ онъ, „вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія; канибаль, который ѣсть своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника—составляютъ только видоизмѣненія одного и того же людодѣства. Я впрочемъ готовъ защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человѣкъ себя разсматриваетъ какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть—пусть ѣсть: они стоятъ тогда, одинъ, чтобъ быть людодѣдомъ, другой, чтобъ быть кушаньемъ.—Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину—и тогда она ихъ не тѣснитъ: но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпнымъ.—Работникъ не хочетъ больше работать для другого—вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники не сосчитали своихъ силъ, что крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку.—тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на выработываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству... Въ идеѣ теперь уже кончена эксплуатация человѣка человѣкомъ. Кончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ“. Говоритъ такъ—значитъ цѣнить, но не переоцѣнивать нравственнаго сознаниія въ социальномъ отношеніи.

Напротивъ, мы признаемъ совершенно не обоснованнымъ мнѣніе Туганъ-Барановскаго, который ставитъ нравственное сознание, какъ основу социализма, въ неразрывную связь съ отвлеченнымъ этическимъ принципомъ философіи Канта. „Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣности человѣческой личности—и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разлагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго социализма“. Къ этому

грюна, теорія накопленія и сосредоточенія капитала блестяще оправдалась. За послѣднее время произошло такое скопленіе капиталовъ и такая концентрація производствъ, въ видѣ картелей и трестовъ, какія едва-ли грезились Марксу. Въ Соединенныхъ Штатахъ развитіе такихъ гигантскихъ предпріятій особенно типично. Эту теорію Вейсенгрюнъ признаетъ построенной наиболѣе удачно и не считаетъ преувеличеніемъ сказать, что она обладаетъ своеобразнымъ очарованіемъ, которому трудно противостоять.

Однако другая половина теоріи, ученіе о централизациі капитала, на чемъ Марксъ основываетъ тенденцію къ экспроприациі экспроприаторовъ, не выдерживаетъ критики. Данныя противъ этой теоріи тщательно подобраны Бернштейномъ. Концентрація промышленныхъ предпріятій, говоритъ онъ, не протекаетъ параллельно централизациі капиталовъ, вопреки ошибочному убѣжденію социалдемократіи. Ничего подобнаго нѣтъ. Форма акціонернаго общества въ значительной степени противодѣйствуетъ централизациі капиталовъ посредствомъ концентраціи производствъ. Она даетъ возможность значительнаго дробленія уже сконцентрированныхъ капиталовъ, но дѣлаетъ излишнимъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами съ цѣлью концентраціи производствъ. Мнѣніе, что при образованіи трестовъ и фюзій, будто бы, происходитъ накопленіе капитала въ относи-

вопросу мы возвратимся ниже. Однако, философская непродуманность тезиса Туганъ-Барановскаго достаточно видна уже изъ того, что онъ, признавъ „идею равноцѣнности человѣческой личности, нашедшей свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта, единственнымъ теоретическимъ обоснованіемъ социалистическаго міровоззрѣнія, поскольку таковое опирается на этическіе принципы“, изболчиваетъ себя добавленіемъ: „Социализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются всѣми неотъемлемымъ достояніемъ человѣка“. Если сила социального движенія зависитъ отъ количества („всѣ“) признающихъ нравственную истину, значить—дѣло не въ теоретическомъ принципѣ. До трансцендентальной философіи отсюда какъ отъ земли до неба.—И снова. Какъ социальные движенія опираются не на теоретическій принципъ, такъ и отвлеченный принципъ, въ свою очередь, не ведетъ съ неизбѣжностью къ одному конкретному осуществленію. И это долженъ признать г. Туганъ-Барановскій, заявляющій, что „Кантъ, давшій незыблемое теоретическое обоснованіе социализму, отнюдь не былъ социалистомъ“.

тельно уменьшающемся числѣ рукъ, Бернштейнъ находитъ не соответствующимъ фактамъ дѣйствительности. Число акціонеровъ большого Американскаго „стального“ треста доходитъ до 50 тысячъ человекъ. При объединеніи 34 крупныхъ англійскихъ прядильнъ въ трестъ, изъ общей суммы израсходованнаго капитала въ 80 милліоновъ марокъ 26,7 милліоновъ оставались на рукахъ у продавцовъ, а остальные 53,3 милліона распредѣлялись между 3934 акціонерами. При объединеніи 22 красильнъ Бродфорда въ трестъ, весь израсходованный капиталъ составлялъ 60 милліоновъ марокъ, изъ коихъ продавцы получили 20 милліоновъ, а акціонеры (въ количествѣ 10.731 человекъ!) 40 милліоновъ марокъ. Капиталъ акцій и дивидендовъ, принадлежащій пяти крупнейшимъ англійскимъ пивоварнямъ и доходящій до 194 милліоновъ марокъ, распредѣляется между 16 тысячами акціонеровъ, а капиталъ облигацій, доходящій до 122 милліоновъ, распредѣляется, повидимому, такимъ же образомъ.

Если непрерывный прогрессъ техники и концентрація производствъ въ возрастающемъ числѣ отраслей промышленности есть фактъ, значенія котораго не скрываютъ въ настоящее время даже завзятые реакціонеры, то не менѣе несомнѣнна и та истина, что въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности мелкія и среднія производства обнаруживаютъ полную жизнеспособность на-ряду съ крупными ¹⁾. Къ какой бы области хозяйственной жизни мы ни обратились, нигдѣ мы не встрѣчаемъ существеннаго измѣненія или сокращенія числа *среднихъ предприятий*. Какъ бы ни было стѣснено положеніе отдѣльныхъ владѣльцевъ среднихъ предприятий, какъ бы ни было велико въ каждый данный моментъ въ рядахъ различныхъ хозяйственныхъ классовъ число такихъ предприятий, которыя возникаютъ лишь для того, чтобы на слѣдующій день погибнуть, это не имѣетъ значенія для цѣлаго: общая картина отъ этого не измѣняется. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что прогрессивный ростъ крупныхъ и колоссально-крупныхъ предприятий является простой выдумкой. Чего статистическія таблицы не доказываютъ, такъ это—того, что *ростъ крупнаго производства означаетъ*

¹⁾ Возрастаніе среднихъ производствъ особенно тщательно доказываетъ Ю. Вольфъ *System der Socialpolitik* и др.

сокращеніе средняго; изъ нихъ скорѣе слѣдуетъ, что происходитъ не борьба за существованіе этихъ двухъ категорій производства, но ихъ параллельное развитіе ¹⁾.

Не только прежніе средніе классы (т. е. мелкіе капиталисты) не исчезли и не исчезаютъ, но—по наблюденію Маса-рика—и самъ капитализмъ постоянно создаетъ новые средніе классы. То, что мы видимъ на каждой изъ большихъ фабрикъ, составляетъ общее явленіе: между предпринимателемъ и руководителемъ, съ одной стороны, и рабочимъ, съ другой, стоитъ цѣлый рядъ посредниковъ, исполняющихъ очень важныя работы, отправляющихъ важныя функціи, безъ которыхъ не могли бы существовать ни капиталистъ, ни рабочіе. Это—инженеры, писцы, экзекюторы, кушцы и т. д.

Что происходитъ въ промышленности, то же наблюдается и въ торговлѣ. Несмотря на быстрый ростъ крупныхъ торговыхъ домовъ, продолжаютъ держаться и среднія, и мелкія торговыя предпріятія. Было бы несбыточною иллюзіей ожидать, что крупная промышленность въ ближайшемъ будущемъ поглотитъ мелкую и среднюю, такая же утопія—ждать поглощенія среднихъ и мелкихъ лавокъ капиталистическими торговыми дѣлами.

Наконецъ, Бернштейнъ показываетъ, что ученіе объ уменьшеніи числа магнатовъ капитала тоже нельзя признать вѣрнымъ,—скорѣе справедливо діаметрально противоположное утвержденіе. Гдѣ ни проведемъ мы границу—при 10.000, 20.000, 50.000, 100.000 марокъ дохода, въ результатъ все получается, что число лицъ съ такими доходами увеличивается быстрѣе, чѣмъ какая-либо другая категорія лицъ, получающихъ доходъ. И ихъ число увеличивается прямо пропорціонально возрастанію ихъ общаго дохода, такъ что каждый изъ нихъ въ среднемъ остается всегда одинаково богатымъ. Для примѣра возьмемъ цифры берлинскихъ милліонеровъ: въ 1854 г. во всемъ Берлинѣ было только 6 обладателей милліона талеровъ, въ 1900 г. уже 639: владѣлецъ 1½ милліона марокъ было тогда 23, теперь 1323. Такимъ образомъ, приходится разъ навсегда покончить съ

¹⁾ Выводы Бернштейна подтверждаются статистическими данными самыхъ послѣднихъ дней.

убыжденіемъ въ постоянномъ уменьшеніи числа магнатовъ капитала. Чѣмъ ближе подходитъ моментъ „крушенія“ капиталистической системы хозяйства, тѣмъ больше экспроприаторовъ кишитъ кругомъ насъ. Дѣло „экспроприации“ становится все больше труднымъ.

Всѣ предшествующія разсужденія о теоріи Маркса имѣютъ въ виду разныя отрасли механическаго производства и не относятся къ земледѣлію. Между тѣмъ земледѣліе болѣе, чѣмъ какая-либо другая область народнаго хозяйства, обнаруживаетъ слабость теоріи Маркса. Особенно примѣчательно, что на земледѣліи не оправдывается не только теорія централизаціи, сосредоточенія капитала, но даже теорія накопленія капитала и концентраціи производства. Вотъ что объ этомъ пишетъ Эд. Давидъ.

Крестьянинъ несколько не безпокоится о смертномъ приговорѣ, который изрекаетъ теорія Маркса. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, когда крестьяне разорились бы вслѣдствіе технического превосходства крупныхъ хозяйствъ. Много крестьянскихъ жизней разбито силой оружія и разбойничьимъ сеньоральнымъ правомъ, покровительствомъ со стороны феодаловъ и клерикаловъ. Страшная нищета бывала результатомъ такого хищничества. Но въ соперничествѣ при работѣ крестьянинъ до сихъ поръ вездѣ оставался непобѣдимымъ. Кручному же земледѣлію, якобы призванному уничтожить крестьянское, съ каждымъ десятилѣтіемъ становится все хуже: и ему было бы еще хуже, если бы на помощь ему не поспѣшило законодательство. Съ трудомъ, опираясь на костыли таможенной охраны—авторъ говоритъ о своей Германіи—и правительственныхъ подачекъ, держится еще крупное земледѣліе.—Рѣдкая теорія такъ принималась на вѣру практикой, какъ аграрная теорія Маркса. Она возникла путемъ распространенія на органическое производство законовъ механическаго производства, и, подъ вліяніемъ специфически англійскихъ отношеній, легко нашла доступъ въ міръ социалистическихъ идей. Но должно констатировать глубокое различіе по существу между сельско-хозяйственнымъ и индустриальнымъ производствомъ. Основу сельско-хозяйственнаго производства составляетъ процессъ органическій, основу индустриальнаго производства—процессъ механическій. Это основное глубокое различіе про-

производственныхъ процессовъ обуславливаетъ примѣненіе для сельскаго хозяйства и индустріальнаго производства совершенно различныхъ методовъ работы. Человѣческому труду отводится совершенно различная роль въ каждой отрасли производства, и по этому одному уже можно заранѣе признать ложными представленія объ аналогичности производственной эволюціи въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ. *Кооперация, раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ* вотъ главные факторы большей продуктивности крупнаго хозяйства въ механическомъ производствѣ. *Въ земледѣліи эти факторы не имѣютъ решающаго значенія.* Выгоды кооперации въ больномъ масштабѣ ничтожны, и даже въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ кооперация имѣетъ значеніе для сельскаго хозяйства, отдѣльные хозяева могутъ легко использовать ея выгоды путемъ товарищескихъ организацій. Съ другой стороны, съ размѣрами обрабатываемаго поля чрезвычайно увеличиваются и неудобства широкой кооперации и трудность контроля. Раздѣленіе труда, какое существуетъ въ мануфактурахъ, совершенно немислимо въ сельскомъ хозяйствѣ. Сама природа біологическаго производственнаго процесса протестуетъ противъ замѣны послѣдовательности во времени сосѣдствомъ въ пространствѣ, которое существуетъ въ механическомъ производствѣ. Не можетъ сельское хозяйство слѣдовать за механическимъ производствомъ и въ спеціализаціи труда. Сельско-хозяйственныя машины весьма значительно уступаютъ машинамъ большой фабрики. Въмѣсто большой, прочно установленной динамо-машины, земледѣлецъ вынужденъ довольствоваться небольшими подвижными двигателями, между которыми до сихъ поръ первенствующее мѣсто занимаетъ рабочій скотъ. Какъ ни дивны нѣкоторыя сельско-хозяйственныя машины, но что могутъ значить изолированныя, перемѣщаемыя съ мѣста на мѣсто, цѣлыми неделями и мѣсяцами обреченныя на бездѣйствіе единичныя машины въ сравненіи съ непрерывно дѣйствующимъ автоматомъ какой-нибудь фабрики, который распоряжается даже работою людей, прикованныхъ къ нему, какъ будто составляющихъ его части! Къ тому же и то незначительное пользованіе машинами, которое возможно въ земледѣліи, несколько не составляетъ неоспоримой привилегіи крупнаго хозяйства. Большая часть земледѣльческихъ машинъ не-

большинхъ размѣровъ, построены для замѣны рабочаго скота и доступны также и мелкому хозяину. Далѣе, благодаря тому, что сельско-хозяйственныя машины работаютъ только временами, возможно для сельскихъ хозяевъ коллективное пользование большими машинами, въ особенности, паровой молотилкой и вѣялкой, играющими такую важную роль въ хозяйствѣ.—Въ механическомъ обрабатывающемъ производствѣ совершенствованіе машинъ играетъ первенствующую роль: оно составляетъ сущность прогресса въ самомъ производствѣ. Въ области органическаго добывающаго производства улучшение машинъ представляетъ существенный, но далеко не важнѣйшій факторъ прогресса. *Механико-техническій принципъ* здѣсь не является принципомъ доминирующимъ, обусловливающимъ прогрессъ. Сельское хозяйство революционизировали не техническія изобрѣтенія, а научныя открытія. Новѣйшая эра въ земледѣліи начинается не съ примѣненія паровой машины, а съ открытія дѣйствительной связи между почвой, растительнымъ и животнымъ организмомъ. Физическое и химическое улучшение почвы, регулированіе условій влажности, раціональное общее и специальное увеличеніе питательныхъ веществъ путемъ удобрения естественнаго, искусственнаго и растительнаго, размноженіе полезныхъ растений и животныхъ, разведеніе облагороженныхъ разновидностей, соответствующихъ даннымъ естественнымъ условіямъ и специальнымъ цѣлямъ, индивидуализированный уходъ за культивируемыми организмами и охраненіе ихъ отъ безчисленныхъ враговъ и опасностей—вотъ почва, на которой сельско-хозяйственный прогрессъ отпраздновалъ свои величайшіе триумфы. Болѣе быстрое выполненіе вспомогательной механической работы представляетъ немаловажный, но и не главный элементъ производственнаго прогресса. Сущность послѣдняго заключается въ *повышеніи интенсивности жизни* путемъ раціональнаго измѣненія внѣшнихъ условій развитія организмовъ и ихъ внутренняго склада.—Если техническій прогрессъ доступенъ мелкому хозяйству въ большинствѣ случаевъ, то научный прогрессъ всегда—безъ исключенія. Въ этомъ отношеніи крупному хозяйству приходится даже бороться противъ препятствій, которыхъ мелкое хозяйство совершенно не знаетъ. Примѣненіе всѣхъ усовершенствованій въ области питанія растений..

ухода за ними, и ихъ охраненію постоянно требуетъ массы квалифицированной ручной работы. Но откуда ее достанетъ крупное хозяйство? Оно вынуждено оперировать съ толпой безинтересованныхъ наемныхъ работниковъ, очень мало поддающихся контролю. Крестьянинъ же самъ является своимъ собственникомъ, безъ усталы работавшимъ, заинтересованнымъ и заботливымъ работникомъ. — Сущность, методъ и средства органическаго производства обуславливають то громадное значеніе, которое должна имѣть личная заинтересованность работника, какъ въ размѣрахъ годового урожая, такъ и въ сохраненіи плодородности почвы. Значеніе этого психологическаго фактора увеличивается по мѣрѣ перехода хозяйства къ болѣе высокой интенсивности, такъ какъ съ интенсивностью возрастаетъ и рискъ потерь вслѣдствіе невниманія и небрежности. Внутренняго автоматическаго самоконтроля современнаго индустриальнаго производства сельское хозяйство совершенно не знаетъ. Отсюда понятно, почему въ земледѣліи съ повышеніемъ интенсивности шансы крупнаго хозяйства уменьшаются. Это не значитъ, что отдѣльные, выдающіеся по способностямъ специалисты не въ состояніи добиться замѣчательныхъ результатовъ и въ крупномъ хозяйствѣ; выдающіеся способности, понятно, и здѣсь одерживаютъ верхъ надъ особенно неблагоприятными условіями. Но можно утверждать, что, въ общемъ, при возрастаніи интенсивности мелкое хозяйство поставлено въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ крупное. Чѣмъ интенсивнѣе культура, земледѣльческая или скотоводческая, тѣмъ труднѣе вести хозяйство при помощи чужихъ работниковъ. Поэтому всемірно-экономическая тенденція группировки, при которой культуры съ наименьшей работопоглощаемостью удаляются отъ большихъ рынковъ, а съ наибольшею работопоглощаемостью приближаются къ нимъ, должна была проявиться въ то же время и какъ тенденція къ *раздробленію хозяйства въ промышленныхъ странахъ и областяхъ.*

Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ и Булгаковъ. По его словамъ, если для обрабатывающей промышленности за діагнозомъ Маркса нельзя отрицать извѣстной относительной правоты, то его нужно признать совершенно неправымъ касательно земледѣлія. Въ земледѣліи не только никакой концентрации не происходитъ, но съ чрезвычайной силой высту-

нають децентрализующія тенденціи. Тотъ, для кого лучшее будущее неразрывно связано съ представленіемъ о концентраціи, долженъ махнуть рукой на земледѣліе, какъ область совершенно безнадежную. Но разъ земледѣліе и промышленность (а также и торговля) характеризуются если не противоположнымъ, то, по крайней мѣрѣ, различнымъ ходомъ развитія, можно ли развитіе капиталистическаго хозяйства опредѣлить какой-нибудь одной господствующей тенденціей, какъ попытался сдѣлать это Марксъ? *Очевидно, нельзя.* Формула, по которой этотъ ходъ развитія опредѣлялся бы въ сторону концентраціи или наоборотъ, была бы невѣрна, потому что не учитывала бы всей фактической сложности развитія. Поэтому общее воззрѣніе Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму, также невѣрно.

Что земледѣліе образуетъ часть народнаго хозяйства, не подводимую подъ социалистическую теорію, это получаетъ особенную важность въ виду того, что въ будущемъ, какъ можно предполагать, земледѣліе, стоящее въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ на заднемъ планѣ, затѣняемое индустріей, займетъ первенствующее положеніе. Предполагать это можно, основываясь на законѣ убывающаго плодородія почвы ¹⁾. Въ силу этого закона—по словамъ Булгакова—хотя производительныя способности странъ, вывозящихъ продукты земледѣлія, еще не исчерпаны, но все-таки этому направленію развитія приходитъ конецъ, до котораго еще доживетъ, можетъ быть, наше поколѣніе. Начиная съ опредѣленнаго момента, вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не можетъ не начать сокращаться, а цѣны на нихъ расти, что сдѣлаетъ привозъ этихъ продуктовъ изъ отдаленныхъ странъ невыгоднымъ. Страны принуждены бу-

¹⁾ Милль: „Все предметы и силы природы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности“. Но Милль ошибочно полагалъ, что уже нынѣ „скудость природы, а не общественная справедливость, служитъ причиною страданій, постигающихъ націю при излишествѣ населенія“. Изъ новѣйшихъ сочиненій см. П. Маслово *Теорія развитія народнаго хозяйства*

дуть обратиться къ своему собственному земледѣлію. -- наступитъ новая стадія въ развитіи мірового населенія... Прошлое оставляетъ въ настѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ социальный. -- вопросъ производства, а не распределенія". Интересна по этому вопросу недавно вышедшая книга Герг. Гильдебранда ¹⁾. Разсматривая современное хозяйство, какъ господство индустріи надъ земледѣліемъ, иначе сказать -- господство города надъ деревней и страсть промышленныхъ надъ земледѣльческими, Гильдебрандъ предполагаетъ, что недалекого до того времени, когда индустрія и земледѣліе помѣняются своими ролями. Аристократическій городъ представляетъ собою надстройку надъ сельскою основою, питается деревней: и аристократическія промышленныя страны живутъ и будутъ жить на счетъ странъ земледѣльческихъ, пока послѣднія не обзаведутся собственной индустріей въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Промышленная демократія уступитъ господство сельской демократіи; промышленныя государства сдѣлаются бѣднѣе странъ земледѣльческихъ. Промышленному пролетаріату уже станетъ бесполезнымъ осуществленіе социалистическаго плана ²⁾: предъ цѣлыми странами встанетъ грозный вопросъ о борьбѣ съ крайнею нуждою въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ...

М. Таръевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriosozialismus.*

²⁾ Die Lebenshaltung der proletarischen Schichten innerhalb der Industriestaaten ist beim Uebergang zum Sozialismus um nichts gebessert, wenn gleichzeitig die ausländische Bauerngrundlage entschwindet, so hoher Steigerung auch die heimische Agrarproduktion noch fähig ist... Was wird in diesem Falle des Versagens das Schicksal des Industriestaatlichen Proletariats sein? Sehr einfach: Es erfährt in Hunger und Blöße, dass es überflüssig geworden ist, sobald ihm die feste Bauerngrundlage unter den Füßen fehlt. Ueberflüssig und zugleich hilflos. Es nützt ihm nichts mehr, die Kapitalisten enteignen zu wollen, denn die industriellen Produktionsmittel sind nicht mehr verwertbar.